

Loud silence

Легенда
о волке,
кот[🐱]рый
плакал

Loud silence

Легенда о волке, который плакал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72842777

SelfPub; 2025

Аннотация

В мире, где война стирает границы между добром и злом, одна овца оказывается по ту сторону страха, в самом сердце волчьей стаи.

Чтобы выжить, ей приходится примерить чужую шкуру. Но шкура меняет не только облик.

Шаг за шагом она теряет себя в чужих инстинктах, в жажде крови и в ярости, которую никогда не называла своей.

Её путь – это не борьба со зверями вокруг, а падение в бездну собственного выбора: кем быть, когда любой выбор – боль, а отказ выбирать – смерть?

«Легенда о волке, который плакал» – тёмная аллегория о том, как легко разрушить свою душу в попытке защитить её, и о цене, которую иногда приходится заплатить за выживание.

Это история о существе, которое хотело просто жить, и шаг за шагом превращалось в того, кого всегда боялось.

Но можно ли остаться собой, надев чужую шкуру?

И что останется внутри, если снять её уже не получится?

Содержание

Пролог.	4
I. Лес, который гудит войной.	6
II. Невидимая нить	9
III. Хруст ветки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Loud silence

Легенда о волке, который плакал

Пролог.

С момента основания мира существуют определенные устои: некая вечная опора, которая преследует человечество по пятам, куда бы оно ни шагнуло. Наверное, это сама человеческая природа, неизменная и жесткая. Но даже она порой оказывается бессильна перед мощью общественных форм.

И, если природа человека прячет лицо за всё новыми и новыми масками, то мир, словно устав наблюдать за этим, иногда оставляет свои собственные, неподвижные, немые, но удивительно честные следы.

Где-то далеко, на земле, что давно не слышала шагов, на старом камне, заросшем мхом и сделавшемся ещё хрупче под грузом времени, было высечено послание. И уже не осталось в живых тех, кто мог бы помнить или передать память о том, кто именно его оставил.

«Однажды, когда доброта начнёт скрываться за маской зла, людям стоит задуматься о том, куда ведёт их этот путь.»

Над посланием лежали обветшавшие страницы: такие истомлённые, что готовы были треснуть под дуновением легкого ветра или даже звука, который был бы чуть громче кузнечика. И несмотря на это, буквы и строки по-прежнему оставались разборчивыми, казалось, сама природа не желала стирать их из этого мира.

В названии значилось: «волк, который плакал»

I. Лес, который гудит войной.

Давным-давно, когда трава ещё помнила шаги богов, лес был тихим, как сон ребёнка. Эта тишина не была пустотой, она дышала. Ветви едва шевелились, перекликаясь с утренним светом, трава хранила тепло древних шагов, а звери знали мир по его размеренному сердцебиению. Лес жил медленно, неторопливо, он верил: так будет всегда.

Но однажды тишина треснула, тонко, как лёд под первым весенним солнцем. Война поднялась в чаще: волки рвали пастухов, пастухи отвечали огнём и железом. И между этими силами, как сухие листья между жерновами, оказались стада.

Овцы метались в страхе, сбивались в тугие, нервные кольца, теряли свои тропы, забывали себя. Страх выжимал из них всё доброе, оставляя лишь настороженность, раздражение и злобу усталости. В такие дни овцы переставали быть мягкими, они превращались в толпу. А толпа редко знает милость.

Среди этой толпы жила одна овца: белая, мягкая, словно облако, которое никогда не знало ни грома, ни молнии. Её привыкли считать слабой. Не потому, что она действительно была слабее других, а потому что она не умела быть жестокой. Она избегала толчков, отводила взгляд от чужих ошибок, старалась понять даже тех, кого другие списывали в балласт. Она слишком рано научилась верить, что доброта – это недостаток. И что слабость – это её второе имя.

Стадо часто смотрело на неё с усталым презрением, как на неизбежную ношу. Об их отношении говорило всё: короткие взгляды, лёгкое отступление в сторону, когда она проходила, тягучее молчание вокруг неё.

И всё же рядом с ней всегда держался один: тонконогий барашек с мягким, ранимым взглядом, вечно растрёпанной шерстью и осторожностью, которая будто жила внутри него глубже, чем кровь. Он никогда не становился впереди неё, не демонстрировал силы, но незаметно держался ближе всех. Чуть позади. Чуть сбоку. Так, чтобы его присутствие можно было не заметить... но всё-таки почувствовать.

Когда лес гудел особенно тяжело, он становился к ней боком, словно заслоняя от невидимой тени. Его движения были едва уловимыми, но в них было больше поддержки, чем в громких словах. Его взгляд говорил больше, чем мог бы сказать самый храбрый голос, и в эти редкие, тихие мгновения ей казалось, что её существование – это не ошибка. Что её страх – не слабость. Что её дрожь – не повод для презрения. Что даже такая, как она, может занимать место в мире не только из жалости или по недоразумению. И в эти мгновения барашек всегда оказывался рядом.

Даже его собственный страх, такой же дрожащий, как её, давал ей тёплое ощущение, что она не одна. Что бояться – это нормально. Что дрожь может быть общей. Он вздрагивал от каждого хруста ветки, сжимался от пролетающих теней, но всегда снова касался её плеча кончиком рога – ти-

хим, неловким жестом «я рядом». Не потому, что был смелым. А потому, что умел быть добрым.

Её сердце каждый раз отзывалось на эти прикосновения удивлённой теплотой. Он видел в ней не обузу, а живое существо. В мире, полном страха, он был единственным, кто смотрел на неё так, будто она заслуживает места рядом. И, возможно, впервые в жизни она могла бы назвать кого-то другом.

II. Невидимая нить

Утро в стаде дышало миром так тихо, что, казалось, лес наконец устал бояться. Солнце поднималось медленно, аккуратно разливая свет по траве, словно боялось спугнуть эту хрупкую передышку. Стадо неподвижно стояло в росистой зелени, пережёвывая траву, и всё вокруг напоминало о жизни, которая ещё не знает, что скоро её потрясут.

В стороне от плотного круга стояли двое. Овца и барашек. Он всегда держался немного позади, как будто его тянула к ней невидимая нить. Его шерсть топорщилась, как у существа, которое всю ночь вслушивалось в каждый шорох, а взгляд был мягким, почти извиняющимся перед миром за собственную нерешительность.

Иногда он делал маленькие, неловкие движения: подтапывал копытом наиболее мягкие травинки ближе к ней, будто просто перемещал их, но глаза выдавали – это был подарок. А потом он делал вид, что ничего не произошло.

Когда вдалеке треснула ветка, он вздрогнул всем телом так резко, что даже лист у его копыта аккуратно поднялся в воздух. Он неосторожно сделал шаг к середине стада, чтобы укрыться, но через мгновение все равно вернулся на своё место – туда, где стояла она, и просто молча был рядом. Словно рядом с ней страх уменьшался, хотя бы на дыхание.

День тёк спокойно, почти лениво. Стадо переговарива-

лось короткими, усталыми фразами. Лёгкий ветер шевелил траву, играя в ней блёклыми бликами. Барашек следовал за овцой всюду, но так осторожно, что казался её тенью, неловкой, дрожащей, но удивительно преданной. Иногда овца поднимала голову и ловила его взгляд, полный тихого тепла, которое никак не выражалось в словах, но чувствовалось в каждом его вздохе. Он смотрел на неё так, как смотрят на близкого, о ком боятся сказать вслух, что он близок, слишком хрупкая привязанность, чтобы делить её с миром.

Когда вечер начал сползать на поляну, свет становился холоднее, будто день сам понимал, что ему осталось недолго. Стадо собиралось плотнее: так делают те, кто инстинктивно чувствует дыхание грядущего. Овца стояла рядом с барашком. И впервые за долгие дни ей показалось, что его дрожь стала тише, словно внутри него теплилась смелость, которую он сам не замечал. Он был из тех, кто не умел говорить о страхе, но всегда хотел показать, что он рядом.

Ветер принёс с глубины леса запах гари. Очень слабый, почти невесомый, но достаточно знакомый, чтобы сердце у обоих сжалось. Барашек чуть повернул голову в ту сторону. Его копыта дрогнули, но он остался стоять рядом с ней. Они молчали. Но в этой тишине было больше слов, чем в любых разговорах.

Когда стадо улеглось, барашек тихо выдохнул: как вздыхает тот, кто боится, что не справится, но очень хочет справиться. Овца неторопливо положила свою тяжелую голову на

землю. Синее небо между ветвями медленно тускнело. Где-то далеко донёсся короткий, глухой звук – не вой, не крик, а будто лес закрыл ещё одну дверь. Они оба слышали его. И в эту хрупкую, почти прозрачную минуту им обоим казалось, что, если следующий день вдруг станет испытанием, они смогут встретить его вместе, опираясь друг на друга так, как умеют только те, кто боится одинаково.

Лес затих. Ночь легла. И день, который потом никто не вспомнит, кончился, оставив в воздухе едва заметное чувство, что впереди что-то уже идёт к ним сквозь тени.

III. Хруст ветки

Утро родилось не светом – дрожью. Лес будто просыпался через страх: неохотно, рывками, словно чувствуя приближение чего-то, что не следует встречать лицом к лицу. Где-то в глубине корней пролегла глухая вибрация – не звук, а дыхание земли. Трава откликнулась мелкой, нервной дрожью. И воздух стал густым, как перед грозой, но без единой тучи. Стадо почувствовало первым. Головы поднялись одна за другой, как волна, и в этой синхронности было что-то тревожное. Овцы переступали с ноги на ногу, вслушиваясь в тишину, в которой был тихий, почти невозможный оттенок: **опасность.**

Барашек стоял рядом с ней, как всегда, чуть позади, пытаясь незаметно держаться ближе. Его шерсть дрожала, как тонкая паутина на ветру, взгляд метался по теням, будто он уже видел там то, что остальным пока казалось лишь игрой света. И вдруг... хруст. Не громкий. Но такой, что через поле прокатилась волна ужаса. Как будто ломалась не ветка, а чья-то судьба.

Стадо сорвалось. Рывок был почти беззвучным – сначала. Но мгновение позже шум копыт взорвался, как паника, которая давно искала повод. Они бежали вслепую: от звука, от запаха, от самого чувства того, что за ними следит тёмное. Крики становились острыми, как лезвия, паника разрывала

строй. Кто-то споткнулся, кто-то толкнул соседа, выжить хотели все, и каждый думал только о своих ногах.

Овца бежала изо всех сил, но её шаг был короче, дыхание мягче, сердце слишком доброе, чтобы толкнуть другого в бок. Волки были ещё невидимы, но уже близки. Присутствие хищника чувствовалось кожей: холодом на затылке, тяжестью в груди, тем странным давлением в рёбрах, которое бывает только тогда, когда смерть приближается быстрее, чем можно осознать.

Овца оступилась. Корень подломил ей ногу, земля ударила в бок, а воздух выбило. Барашек подскочил, хотел подхватить и помочь, дать ей шанс... Миг – и было видно, как внутри него борются страх и привязанность. Но позади снова хрустнула ветка. Слишком близко...

И он, дрогнув всем телом, метнул взгляд на неё, короткий, виноватый, и сделал шаг назад. Он метнулся к стаду, растворяясь в белом бурлящем потоке. Она видела его последние секунды: то, как он сжимает уши, как его взгляд полон вины, но тело уже делает выбор за него.

Мир стал гулким, пустым. Стадо исчезало с каждым ударом копыт. Шум бегства таял, превращаясь в далёкий, бессердечный грохот. Овца поднялась. Одна. Одинокая белая точка среди чёрного, дымящегося леса, который теперь пах не травой, а хищником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.